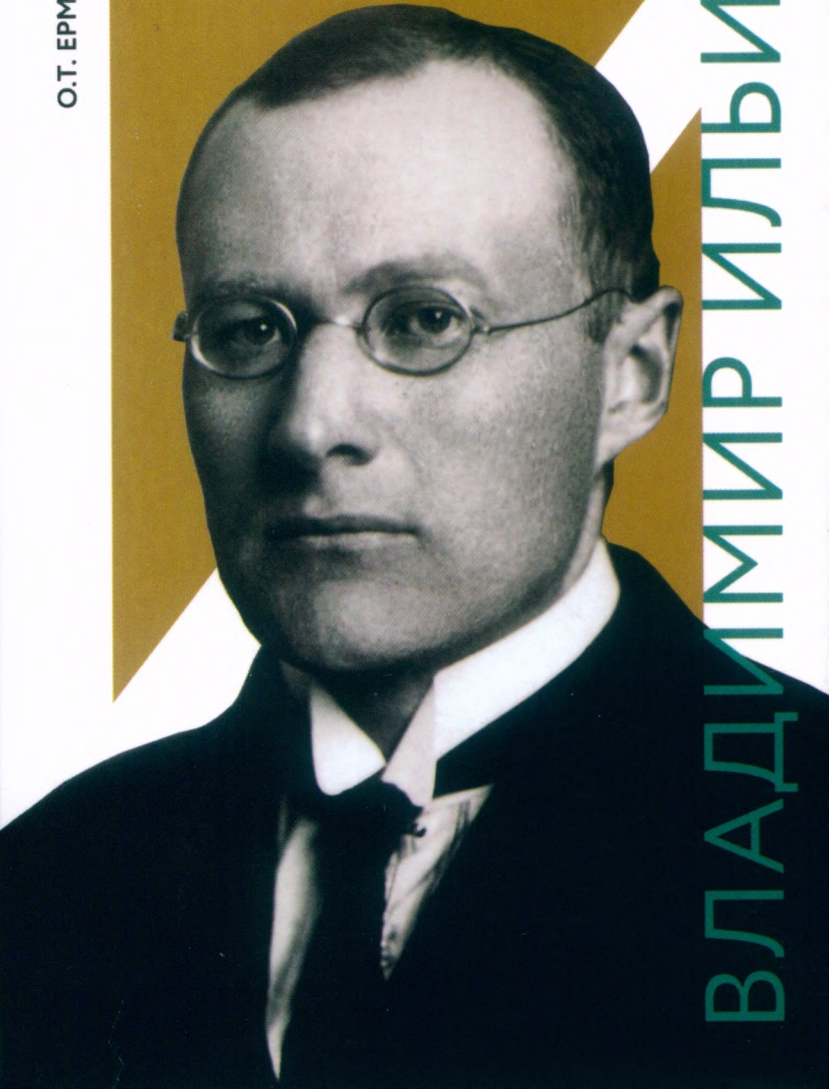

О.Т. ЕРМИШИН

ВЛАДИМИР ИЛЬИН

Владимир Николаевич был богато и разностороннее одаренным человеком. Богословие, философия — древнеантичная, средневековая, новая; мировая литература, в том числе русская, он знал многие вещи наизусть; естественные науки, история — общая и церковная; музыка (он был композитором, знал хорошо всю музыку и любил ее больше всех искусств). В своем творчестве он переходил из одной области в другую по вдохновению, часто вставал ночью и писал, записывал свои мысли так же, как днем шел от письменного стола к пианино... и наоборот.

...В нем [Владимире Ильине] были часто проблески огромного дарования — язык у него всегда сочный, острый, сравнения его неожиданны — порой очень удачны, порой неуместны и пусты, — но всегда и во всем у него чувствовался настоящий огонь.

**ДОМ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА**

О. Т. ЕРМИШИН

ВЛАДИМИР ИЛЬИН

1890–1974

Москва
Дом русского зарубежья
имени Александра Солженицына
2020

УДК 1(091):929

ББК 87.3(2)6

Е-739

Серия «Русское зарубежье в лицах»

Основана в 2018 г.

Ответственный редактор серии:

М.Ю. Сорокина

На обложке:

В.Н. Ильин. *Киев. 1915–1917*

На фронтисписе:

В.Н. Ильин. *Париж. 1950-е*

Дизайн серии:

К.Е. Журавлев

ISBN 978-5-98854-072-4

© О.Т. Ермишин, 2020

© Оформление. ГБУК «Дом русского зарубежья
имени Александра Солженицына», 2020

Содержание

Предисловие	7
Образы детства	9
Университет	14
Первые годы эмиграции (1920–1922)	18
В Берлине (1922–1925)	22
В Париже (1925–1940)	26
Война (1940–1945)	34
После войны (1945–1974)	44
Посмертная судьба. Архивное наследие	65
Архивные материалы и литература	76

Предисловие

В 2005 г. в Библиотеке-фонде «Русское зарубежье» (с 2009 г. Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына) состоялась торжественная церемония, на которой Елена Ильина-Гурдон и Николай Ильин передали на хранение личный архив своего отца — философа, богослова, литературного и музыкального критика Владимира Николаевича Ильина (1890–1974). Так в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына появился один из самых больших фондов — 31; только его рукописная часть насчитывает более 700 единиц хранения. Вскоре началось описание фонда и его постепенное освоение, которое заставило по-новому взглянуть на наследие В.Н. Ильина. Если ранее Ильин был больше известен как автор книг по богословию и литургике, вышедших в 1925–1930 гг. в парижском издательстве «YMCA-Press», литературный критик и создатель оригинальной концепции морфологии, то только архивные материалы дали возможность представить масштаб личности и широту его многообразных научно-исследовательских интересов.

В 2014–2015 гг. появились первые публикации на основе архивного фонда 31: в журнале «Вопро-

сы философии» вышла статья В.Н. Ильина «Сократ и антропология самопознания» (2014. № 10), а в «Ежегоднике Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» (2015) опубликованы его воспоминания «Пережитое». В 2017 г. впервые издана сохранившаяся в архиве книга «Русская наука», которую В.Н. Ильин написал как первую часть трилогии о русской культуре. Готовится к изданию книга Ильина о русской музыке, первые главы из нее уже опубликованы в «Ежегоднике Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» (2018). Несомненно, архивные публикации на основе фонда 31 будут продолжены.

Настоящая небольшая книга подводит предварительный итог архивных разысканий, связанных с изучением биографии и научного наследия В.Н. Ильина. Один из основных принципов при ее написании — не повторять многочисленные мифы и легенды, которые сложились вокруг В.Н. Ильина в течение десятилетий, а максимально использовать архивные данные, чтобы подтвердить те или иные факты.

Сердечную благодарность автор выражает за помощь в работе над книгой Николаю Владимировичу Ильину, предоставившему ценные архивные материалы и фотографии, и Елене Владимировне Бронниковой, которая занималась описанием фонда В.Н. Ильина и активно участвовала в подготовке вышеперечисленных публикаций.

Образы детства

Владимир Николаевич Ильин родился 16 (28) августа 1890 г. в имении своего деда Николая Петровича Чаплина, в селе Владовка Радомысльского уезда Киевской губернии. Его матерью была Вера Николаевна Чаплина, которая вышла замуж за податного инспектора Волынской казенной палаты Николая Александровича Ильина. Вскоре после того, как у супругов родился сын Владимир, произошла семейная трагедия — 25 декабря 1890 г. Николай Ильин по неизвестным причинам застрелился. Владимир Ильин, никогда не знавший отца, всю любовь перенес на мать, образ которой занимает большое место в его воспоминаниях.

Детство Ильин великолепно описал в воспоминаниях «Пережитое». Образы детской комнаты, матери и цветущего сада были для Ильина первыми воспоминаниями и символами родного дома. Ильин писал: «Сумерки, полумрак “большой комнаты”, слабая звездочка ночника, едва брезжащая искорка сознания и образ матери — в этом есть символ метафизики начала человеческого существования, той самой экзистенции, которую ныне философы ставят во главу угла мирозерцания».

Вспоминать детство Ильину помогало, по его выражению, «эмоциональное мышление», которое было свойственно ему всю жизнь. С детских лет душу Ильина наполняли поэзия и музыка, ставшие фоном его воспоминаний. Как признавался Ильин, он помнил себя начиная с возраста раньше одного года. И уже в эти ранние годы его сопровождали острые переживания, «мучительные противоречия и конфликты». Память, эмоции, воображение дают Ильину возможность воссоздать давно утраченное детство, в котором он ищет истоки своей личности и судьбы.

В возрасте между двумя и тремя годами Ильин покинул родную Владовку, которая была продана, и переезжает с матерью и ее родителями в имение Ивань Слуцкого уезда Минской губернии. Первое путешествие по железной дороге оставило много впечатлений в детской душе — станции, ночные пейзажи за окном, паровой котел поезда, Киев, в котором впервые проявились религиозные чувства Ильина («в Киеве я становился на колени перед каждой церковью, крестился и клал земные поклоны...»).

После переезда в Ивань воспоминания становятся, по выражению Ильина, «ярче и определеннее». При всей фрагментарности памяти Ильин признавал: «С первых же владовских воспоминаний и до настоящего времени у меня определенное чувство единой безвозрастной души». Именно в Ивань у Ильина началась «интенсивная религиозная жизнь», которая, как он считал, определялась

«бездонными тайниками» его души. Саму Ильян Ильин воспринимал в эмиграции как потерянный рай. Он пишет: «...имение Ильян — это прежде всего изумительный грандиозный липовый парк, единственный в своем роде. И когда я впервые познакомился с историей рая и грехопадения прауродителей, то не мог не переживать рая в виде грандиозно увеличенного липового парка Ильян». Этот потерянный рай он тщательно нарисовал в рукописи воспоминаний: ворота, дом, огромный ясень напротив дома, гумно и скирды, паровая мельница, баня, сарай для сельскохозяйственных машин, конюшня, вход в парк...

Ильян назвал рай своего детства миром «Дворянского гнезда», имея в виду не только роман И.С. Тургенева, но вообще дворянскую культуру, одним из последних представителей которой себя считал («последний птенец “Дворянского гнезда”»). Кроме того, он определял свое место в России и русской истории так: «Я просто человек Киевской Руси, да еще с присоединением северо-волынского и южно-минского провинциализмов». Основным же личным противоречием Ильян полагал соединение в себе, с одной стороны, мистики и чувственности (аскетики и эротики), с другой — эстетики и этики. Вот как он описал второе противоречие: «Я рожден артистом, я даже эстет. Но в то же время во мне чрезвычайно сильна этика, я не выношу зло и несправедливость, отсюда моя контрреволюционность, я, наконец, “разоблачитель”. Но “обличения” эстетика прямо противоречат “разоблачению” этика».

С семи лет Ильин жил в Слуцке, в котором окончил три класса гимназии, затем в 1903 г. поступил в мозырскую прогимназию, но по болезни не учился и практически пропустил один учебный год. Из слуцкой гимназии было выдано свидетельство о том, что В.Н. Ильин проучился в указанной гимназии с августа 1900 по сентябрь 1903 г., при этом в разделе «Замечания о характере, наклонностях и способностях ученика» было указано: «Ильин — ребенок развитой не по возрасту, слишком впечатлительный и даже нервный. Самолюбив, в учении прилежен в достаточной степени. Несмотря на неумеренную подвижность, в классе очень внимателен. В шалостях умерен. Читает много, но нуждается в руководстве при выборе чтения».

В 1904 г. Ильин был отдан матерью сначала в частную гимназию В.И. Петра в Киеве, а в январе 1905 г. переведен в 1-ю киевскую гимназию. От классической гимназии, основанной по правилам того времени на изучении древних языков, в памяти Ильина осталась «атмосфера классической утонченности»: «Звуки античных классических языков, картины античной классической жизни, которыми были увешаны стены гимназии, атмосфера физики и математики, так хорошо согласовавшаяся с *περὶ φύσεως* [«О природе»] ионийских натурфилософов и с физико-математикой пифагорейцев и неоплатоников (говоря о настроениях), — все это создало культуру моей души и ложилось в основание ее утонченности».

Впрочем, у Ильина было не все хорошо с древними языками. По итогам 1905/06 учебного года в 1-й киевской гимназии он «при переходе из VI в VII класс обнаружил слабые познания по латинскому языку, вследствие чего педагогический совет гимназии назначил ему по вышеупомянутому выше предмету дополнительное испытание после каникул». Далее, после каникул, Ильин не появился в гимназии, а его мать известила гимназическое начальство о болезни сына, и «дополнительное испытание» было отложено. В октябре 1906 г. Ильин отчислен из гимназии, формально — «за невзнос платы за обучение». Устный экзамен по латинскому языку впоследствии Ильин все-таки сдал (с оценкой «4»), получил полную аттестацию за 1905/06 учебный год и продолжил обучение в 4-й киевской гимназии. Несмотря на отдельные трудности в учебе, Ильин навсегда сохранил положительные воспоминания относительно классического образования и, по его выражению, «Эллады», перенесенной в имперскую культуру России: «О, что это за чудо — соединение двух культур и, кроме того, соединение языческого классицизма и евангельского и отеческого христианства со всем благолепием православной литургики, красоту которой я постигал чуть ли не с 2 лет и которую сознательно начал изучать по своей воле с первого класса гимназии».

Университет

Имея вполне философский склад ума, Ильин не сразу стал философом. После окончания 4-й киевской гимназии с серебряной медалью он в сентябре 1909 г. поступил на физико-математический факультет (математическое отделение) Киевского университета святого Владимира, но проучился всего год, и в мае 1910 г. был уволен в связи с неуплатой взноса за обучение. С сентября 1910 г. Ильин учился на юридическом факультете того же университета, но оставил учебу в апреле 1912 г., продолжив университетское образование на историко-филологическом факультете только в 1913 г. Согласно материалам из Городского архива г. Киева 2 мая 1913 г. проректор Киевского университета извещал декана историко-филологического факультета, что ему разрешается «принять бывшего студента юридического факультета Императорского университета св. Владимира — Владимира Ильина в число студентов историко-филологического факультета названного университета с начала будущего учебного года». В 1913/14 учебном году подпись Ильина встречается под прошением о назначении на весенний семестр 1914 г. практических занятий по греческой философии.

Ильин мог бы окончить университет в 1917 г., но этого не произошло по причине его временного призыва на военную службу. В прошении от 15 апреля 1916 г. на имя декана он объяснил сло-

жившуюся ситуацию: поступив осенью 1914 г. на военную службу, он был забракован и вернулся в Киевский университет весной 1915 г., но потерял один семестр. Ильин просил зачесть ему недостающий семестр, чтобы в 1916 г. перейти на 4-й курс и окончить университет в 1917 г. Прощение, вероятно, не было одобрено, так как имя Владимира Ильина встречается в 1918 г. среди студентов, которые сдают выпускные экзамены. В частности, к председателю государственной комиссии обращается группа студентов (в их числе В. Ильин) с прошением: «группа лиц, оканчивающих университет [коим осталось 1–2 экзамена до окончания], просит государственную испытательную комиссию при историко-филологическом факультете Университета св. Владимира в лице ее председателя многоуважаемого Николая Михайловича пойти навстречу нам в следующем: <...> мы просим: 1) или продолжить срок сессии на 1–2 недели больше установленного срока, или 2) если возможно, устроить новую сессию вслед за оканчивающейся 11 июня сего 1918 года, или 3) если и это невозможно, — перенести довольно поздний срок (10 октября) осенней сессии хотя бы на последние числа августа или начало сентября сего 1918 года». Так или иначе, в 1918 г. Ильин наконец окончил Киевский университет и даже, по его словам, начал читать лекции в должности приват-доцента, что очень сомнительно, так как для получения указанной должности нужно было сначала сдать магистерские экзамены, затем предоставить магистерскую диссертацию,

что вряд ли было возможно за такой короткий срок после окончания университета.

Однако следует хотя бы кратко остановиться на том, какое университетское образование получил Владимир Ильин и что собой представлял Киевский университет святого Владимира, основанный в 1833 г. и торжественно открытый в 1834 г. К 1913 г., когда Ильин начал учиться на историко-филологическом факультете, в Киевском университете было около пяти тысяч студентов, самыми большими по численности были юридический и медицинский факультеты. Ильину пришлось учиться в непростое время. Летом 1915 г. в связи с приближающимися военными действиями Киевский университет был частично эвакуирован в Саратов и вернулся обратно осенью 1916 г. Когда Ильин готовился к выпускным экзаменам в 1918 г., Киевский университет получил от гетмана П.П. Скоропадского статус «Российского университета Киева», так как в то же время был создан Киевский государственный украинский университет.

Историко-филологический факультет был одним из старейших факультетов — создан в 1850 г. на основе историко-филологического отделения философского факультета. Среди его преподавателей ранее были известный философ Е.Н. Трубецкой (до 1906 г.) и психолог Г.И. Челпанов (до 1907 г.), а в годы, когда учился Ильин, — профессор, специалист по античной философии А.Н. Гилляр и приват-доцент В.В. Зеньковский (с 1915 г. профессор), который основал в 1912 г. студенче-

ский философский семинар. В семинар в числе других входили Владимир Ильин, В.Ф. Асмус (будущий профессор Московского университета), Д.И. Чижевский (будущий эмигрант, славист и историк литературы). Сохранились интересные воспоминания В.В. Зеньковского о студенческих годах В.Н. Ильина: «Когда я стал доцентом, а потом профессором Киевского университета, я очень скоро обратил внимание на одного студента, который проявлял чрезвычайный интерес к философии, — на В.Н. Ильина. Я тогда создал семинар по философии, куда вошло много молодежи. Часть из них стали впоследствии учеными <...>. Но Ильин уже тогда отличался разнообразием своих интересов (кроме философии, он занимался естествознанием, много занимался музыкой) и крайней “растрепанностью”, уже тогда довольно симпатичной, но и тогда уже несколько утомительной. Философский склад ума Ильина побудил меня оставить его при университете для подготовки к профессорскому званию».

По свидетельству Зеньковского, Ильин был рекомендован им к оставлению при университете, но удалось ли эту рекомендацию утвердить на Совете университета — неизвестно. В 1918 г. Киевский университет переживал очень тяжелый период и практически прекратил свою нормальную деятельность. Избранный ректором в апреле 1918 г. профессор юридического факультета Е.В. Спекторский пытался что-то сделать для обычного функционирования университета, но ему мало

что удалось. Осенью 1918 г. главным стал вопрос об отоплении университета в зимний период, поиск средств для закупки дров. Одновременно возникли проблемы с кворумом Совета университета, многие его члены просто перестали посещать заседания. В декабре 1918 г. в Германию бежал гетман П.П. Скоропадский, в Киев вступили войска Директории («петлюровцы»). Дрова для отопления были реквизированы новой властью, поэтому учебные занятия в здании университета практически прекратились. Очень трудно представить, что в такой исторической обстановке только накануне окончившему университет Владимиру Ильину было поручено читать лекции в должности приват-доцента. Вероятно, это просто один из многочисленных мифов, которые окружают биографию Ильина. С большим основанием можно считать, что настоящая преподавательская деятельность Ильина началась уже в эмиграции.

Первые годы эмиграции (1920–1922)

В начале 1919 г. (вероятно, незадолго до прихода Красной армии) Ильин уехал из Киева, перебрался в Одессу, а затем вместе с множеством русских беженцев навсегда покинул Россию. Первые годы эмиграции Ильин провел в Турции, в Константинополе (Стамбуле). О периоде 1920–1921 гг. в

жизни Ильина свидетельствуют его дневники, которые сохранились в архиве. Можно сказать, что указанный период был одним из самых тяжелых в жизни Ильина. Для того чтобы понять переживания и общее состояние Ильина в Константинополе, достаточно привести две цитаты из его дневниковых записей. 24 марта 1920 г. Ильин пишет: «Моя душа не только не тухнет, но все более и более обнажается, и уже касание к “мирам иным” стало моим обычным состоянием». Через восемь месяцев, 20 ноября, он записал в дневник: «Итак, я у последней черты. Терять мне больше нечего — и жизнь моя уже окончена, и если смерть медлит, то это только увеличивает для меня важность наступления этой минуты. Пока она подведет свой итог, попытаюсь я подвести свой». В целом для такого пессимизма были объективные причины: Ильин страдал не только из-за разрыва с родиной, но и чувствовал себя на чужбине совершенно неприканным и никому не нужным.

В дневниках Ильин, кроме душевных переживаний, излагал личные взгляды на две темы: революцию и сущность философии. По поводу революции 28 марта 1920 г. он пишет: «Сущность русской революции можно сформулировать так: не потому свергнут царь, что произошла революция, а потому произошла революция, что свергнут царь». Философии же Ильин дал следующее определение: «Философия характеризуется движением понятий — движение понятий есть результат противоречия. Наш дух таков, что он не

может оставаться в противоречии, сознанным как таковое, хотя бы эти движения вели за собой новые противоречия. Остановки в этом движении быть не может. <...> Это бесконечное движение и есть философия, а бесконечность дефиниции не подлежит».

Общее настроение Ильина начинает постепенно меняться в лучшую сторону. 7 февраля 1921 г. он записал: «Милостью Божией я начинаю приходить в полное равновесие своих духовных сил. Ультраспиритуализму прежних годов уже нет места в моей душе». Далее Ильин пишет о своем новом мировоззрении, в котором стремится гармонично соединить «методологизм в философии, материализм в науке, мистицизм в религии и искусстве». В данной фразе кратко сформулирована основная идея, на которую в дальнейшем ориентированы многие исследования Ильина. Кроме того, уже в 1920–1921 гг. у Ильина проявляется еще одна личная особенность: он постоянно составляет планы больших философских работ, значительная часть которых так никогда и не была осуществлена. Однако само по себе постоянное планирование стимулирует мысль Ильина, направляет ее к конкретной научной тематике.

Непосредственным практическим выражением тех идей, которые занимали ум Ильина, стали публичные лекции. В дневник 1920 г. вложен план двух лекций: первая лекция на тему «Введение. Знание — Мнение», вторая — об эстетике и музыке. 28 февраля 1921 г. Ильин упоминает в дневнике,

В.Н. Ильин. 1920-е

что преподает философскую пропедевтику «на курсах на аттестат зрелости». Далее, 23 апреля того же года, он пишет о своем докладе, посвященном Н.А. Добролюбову и революционной идеологии, в Обществе ученых и писателей и излагает план четырех лекций об этических проблемах на «общеобразовательных курсах». В сентябре 1921 г. Ильина приглашают преподавать на богословско-пастырских курсах. 13 сентября 1921 г. он записал в дневник: «Надо отдыхать. Уже ночь, а завтра вступительный colloquium для поступающих на богословско-пастырские курсы, где я буду препо-

давать философию, психологию и критику социальн<ых> утопий».

Кроме занятий философией, Ильина очень утешают православные богослужения, которые он посещал в русской посольской церкви. После возвращения с литургии на праздник Сретения 15 февраля 1921 г. Ильин записал в дневнике: «Поистине нет красоты на земле выше красоты православно-христианской службы, и в частности литургии». А после исповеди и причастия в посольской церкви 27 апреля 1921 г. он обращается с молитвой к Богу: «Дай мне силу и крепость воли, желания свершить угодное Тебе. Я люблю науку, люблю красоту, люблю благо, люблю любовь — дай мне послужить им в равной и высочайшей мере». Так между философскими размышлениями и церковными богослужениями складывалась жизнь Ильина в первые годы эмиграции.

В Берлине (1922–1925)

О берлинском периоде в жизни В.Н. Ильина сохранилось очень мало сведений. В словарях и энциклопедиях повторяется информация о том, что в 1923 г. Ильин переехал в Берлин, где начал учиться на богословском факультете университета и одновременно преподавал в Русском научном институте логику и психологию. Его дневники

за берлинский период не сохранились. Однако в других архивных материалах встречаются упоминания о том, что уже лето 1922 г. Ильин провел в Берлине. 16 июля 1922 г. П.П. Сувчинский писал П.Н. Савицкому из Германии: «На днях Вы получите рукопись Вл. Ник. Ильина “Католицизм как разновидность утопии” В ней есть <детскость?>, но мне кажется, следует возможно больше людей привлекать к евразийству (Ильин почти что обращен мной в евразийство)». Спустя почти два месяца, 7 сентября 1922 г., он спрашивал П.Н. Савицкого: «Как Вам <в> общем понравилась статья Ильина? Ее, конечно, нужно сгладить и выправить. Он в большом духовном возбуждении, т.к. едет в Константинополь к владыке Анастасию принять пострижение и узнал на днях, что его любимая мать скончалась в Киеве 1½ года тому назад». Съездил ли Ильин в Константинополь, остается неизвестным, но монашество он не принял, а его преподавание на богословско-пастырских курсах в 1922/23 учебном году не получило продолжения. С октября 1922 г. Ильин уже постоянно упоминается в переписке евразийцев. Например, 13 октября 1922 г. П.Н. Савицкий писал П.П. Сувчинскому: «Сотрудничество <В.Н.> Ильина очень желательно, и мы на него надеемся; если найдете нужным, передайте это ему от нас всех в самой сердечной форме». Далее в переписке евразийцев, чтобы не путать с однофамильцем Иваном Ильиным, жившим в том же Берлине, В.Н. Ильин называется «Ильиным Берлинским» или даже

«Ильиным Евразийским». Первой его статьей, напечатанной в евразийском издании, стала статья «К проблеме литургики в православии и католицизме» в сборнике «Россия и латинство» (Берлин, 1923).

Осенью 1922 г. в Берлине оказалась целая группа высланных из советской России философов — Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, С.Л. Франк. Именно с их участием был организован Русский научный институт, в котором Владимир Ильин стал преподавать логику и психологию. Из переписки известно, что Ильин больше всего нашел общий язык с Бердяевым, который упоминает его в своих письмах. Например, Бердяев 15 апреля 1924 г. писал П.П. Сувчинскому: «С Вами будет говорить В.Н. Ильин о замысле кружка не конфессионального характера, в котором происходило бы ознакомление с разными типами христианства и христианской мистики и было дружеское на этой почве общение. <...> Начнем с чтения В. Ильина о св. Серафиме».

Таким образом, когда Ильин жил в Берлине, в его жизни произошло два важных события. Во-первых, он познакомился с философом Н.А. Бердяевым, а во-вторых, подружился с П.П. Сувчинским, одним из лидеров евразийства. И тот и другой в дальнейшем сыграли важную роль в жизни В.Н. Ильина. Идеи свободы и творчества, которые развивал Бердяев, несомненно, оказали влияние на Ильина и становление его

Участники заседания на Свято-Сергиевском подворье
(В.Н. Ильин четвертый слева в первом ряду).

Париж. Вторая половина 1920-х — начало 1930-х

философских взглядов. Сувчинскому же удалось привлечь Ильина к участию в евразийских изданиях, начиная со сборника «Россия и латинство» (1923). Более того, именно Сувчинский помог В.Н. Ильину переехать во Францию. В июле 1925 г. он писал П.Н. Савицкому: «Для В.Н. Ильина выхлопотал визу. Если у него не будет денег на что-нибудь — не могли бы Вы ему дать около 20 дол<ларов> — мы сочтемся».

В Париже (1925–1940)

В 1925 г. Ильин переселился в Париж, где по рекомендации В.В. Зеньковского начал читать лекции по литургике и истории средневековой философии в Свято-Сергиевском православном богословском институте. С Францией оказалась связана вся дальнейшая жизнь Ильина. В первые парижские годы она проходила в основном вокруг Свято-Сергиевского подворья на Крымской улице (rue de Crimée) и Русского студенческого христианского движения (РСХД) с административным центром на бульваре Монпарнас. В РСХД Ильин особенно сблизился со священником Александром Ельчаниновым, который стал его духовником (они познакомились в Париже в 1926 г.).

В Париже Ильин продолжил активное общение с П.П. Сувчинским, участвовал в Парижском евразийском семинаре, печатался в евразийских изданиях («Евразийском временнике», «Евразийской хронике»). В «Евразийском временнике» (книга 4) за 1925 г. появился очерк «Столб злобы богопротивной», в котором Ильин впервые получил возможность высказать свою точку зрения на революцию. Задачей очерка автор провозгласил «вскрытие подлинной сущности революции и тем самым обличение западнической идеологии и ее носителей — революционно-социалистической и либерально-атеистической интеллигенции».

В.Н. Ильин среди членов РСХД
(четвертый слева во втором ряду).
Париж. Вторая половина 1920-х — начало 1930-х

Как считал Ильин, революция есть зло, которое носит не только общественно-государственный характер, но имеет еще религиозно-метафизические истоки и причины. Из основных причин революции на первое место Ильин ставил утопическую идеологию, проникнутую мистификацией и ложью. Практическим воплощением этой

идеологии является коммунистический советский режим, представляющий собой, по мнению Ильина, комбинацию марксизма и народничества. Вместе с тем среда и субстрат для «развития революционного недуга» были подготовлены «грехами, ошибками и несчастьями многих поколений». В основе же революции лежит отрицание России, так как русской религиозной культуре противопоставлена безбожная западноевропейская цивилизация, которую Ильин уподобляет библейской «Вавилонской башне» («столбу злобы богопротивной»), с ее иерархией псевдоценностей. Под влиянием этой «Вавилонской башни» в России народилось и выросло несколько поколений людей, поглощенных ненавистью к русской государственности и культуре. К таковым Ильин относил Н.Г. Чернышевского, Н.К. Михайловского, Д.И. Писарева и многих других. Он считал, что Западная Европа есть «строй стабилизированной революционности и максимального безбожия», а сущностью европеизма является выработка «социалистического токсина». В этом и подобных тезисах можно видеть то, что объединяло Ильина с евразийцами, — неприятие европоцентризма, признание религиозной культуры и исторической самобытности разных народов. В остальном же Ильин был все-таки преимущественно «попутчиком» евразийства. Он имел слишком разносторонние интересы (богословие, философия, история науки, литература), чтобы оставаться только в рамках евразийской идеологии.

Участие в евразийском движении не мешало Ильину одновременно писать статьи для журнала «Путь» под редакцией Н.А. Бердяева, который был идейным противником евразийцев, и книги для парижского издательства «УМСА-Press». В журнале «Путь», начиная с № 4 за 1926 г., опубликовано девять статей и четырнадцать рецензий В.Н. Ильина. В основном для «Пути» Ильин писал на богословские темы: «Иночество и подвиг» (1926), «О небесной и земной соборности» (1927), «Христос и Израиль» (1928), «Эстетический и богословско-литургический смысл колокольного звона» (1931) и др. В издательстве «УМСА-Press» с 1925 по 1930 г. вышло пять книг Ильина: «Преподобный Серафим Саровский» (1925), «Запечатленный гроб. Пасха нетленная» (1926), «Загадка жизни и происхождение живых существ» (1929), «Всенощное бдение» (1930), «Шесть дней творения» (1930), среди которых преобладает тематика, связанная с литургическим богословием и апологетикой. Свою апологетическую задачу Ильин понимал как борьбу научными средствами с воинствующим атеизмом. Он писал: «Наблюдаемый ныне припадок воинствующего безбожия несомненно связан с попранием и погашением свободной пытливости и свободного исследования. У нас есть все основания утверждать, что такое попрание и гасительство есть для попирающих самоцель, а выставляемые ими другие цели — напр<имер>, социальные — лишь средство».

Кроме научных занятий богословием и апологетикой, Ильин пытался совместить свои евразийские и философские интересы. Весной 1929 г. в Религиозно-философской академии Н.А. Бердяева он прочитал цикл лекций о проблемах «евразийского мирозерцания». В конспектах Ильин указал следующие темы лекций: «Свобода воли и свобода политическая», «Охранительная революционность евразийцев», «Об идейной близости евразийцев к большевикам», «Евразийство и национально-классовый принцип происхождения культуры», «Россия и византийско-монгольский мир», «Эпохи вселенские и эпохи национальные», «Буржуазия и пролетариат как социальные категории», «Коммунизм, нигилизм, большевизм», «Социальные цели и достижения евразийства». Следует отметить, что в начале 1929 г. евразийское движение пережило «кламарский раскол», в итоге парижская «просоветская» группа под руководством П.П. Сувчинского прекратила существование, но продолжила деятельность пражская группа евразийцев во главе с П.Н. Савицким, которого поддерживал В.Н. Ильин, поэтому его лекции в Религиозно-философской академии можно понимать как попытку обобщить свои взгляды на евразийство и подвести некоторые итоги. Судя по этим лекциям, Ильина в евразийском учении больше всего интересовала тема революции и ее критического осмысления, происхождение социальных утопий из духа европейской цивилизации,

то есть идеи, которые он уже высказал в работе «Столб злобы богопротивной».

Преподавание в Свято-Сергиевском православном богословском институте, участие в РСХД, лекции в Религиозно-философской академии под руководством Н.А. Бердяева и одновременно активное сотрудничество с евразийцами — такая широкая научная и творческая деятельность В.Н. Ильина, казалось, открывала для него большие жизненные перспективы. Кроме того, после целого ряда любовных разочарований Владимир Ильин познакомился в РСХД с секретарем издательства «УМСА-Press» Верой Николаевной Пундик (родилась в 1912 г. и покинула Россию в 1927 г.). Они поженились в 1934 г., а через год у них родилась дочь Елена (Алёна). Однако дальше для Ильина начался период испытаний. Вот как ситуацию со стороны описал В.В. Зеньковский: «Но уже с середины 30<-х> годов начали на горизонте обрисовываться тучи. Ильин женился на прекрасной девушке (еврейке по происхождению, ставшей православной в юные годы), которая первоначально благо<го>вела перед ним. Как старый учитель В.Н., я всегда заботился о нем. Не раз бывал у него на дому, где скоро стали проявляться тяжелые свойства Владимира Николаевича. Его belle-mère [тёща] невзлюбила В.Н., а он отвечал ей на это лютой ненавистью. Дома у него стала создаваться невыносимая атмосфера, которая заостряла нервность и неуравновешенность В.Н. К тому же ему всегда не хватало денег. Содержание профессоров Бого-

В.Н. Ильин с женой Верой.
Франция. Вторая половина 1930-х

словского института было тогда особенно мизерным. Чтобы восполнить это дополнительным заработком, Ильин много писал и всячески обхаживал Бердяева и Вышеславцева, чтобы они печатали его этюды. Но и этого было недостаточно, и В.Н. стал писать фельетоны в газете “Возрождение”».

По воспоминаниям Зеньковского получается так, что необходимость хоть как-то финансово

обеспечить свою семью заставила Ильина активно включиться в публицистическую деятельность, писать для газет. Именно сотрудничество с газетой «Возрождение» стало роковым для Ильина, от него отвернулись многие коллеги по институту, так как в Свято-Сергиевском православном богословском институте не приветствовалась политическая и публицистическая деятельность, а в 1935 г. произошел его резкий разрыв с Н.А. Бердяевым. 1 февраля 1935 г. в газете «Возрождение» вышел фельетон В.Н. Ильина «Идеологическое возвращенство: По поводу книги Н. Бердяева “Судьба человека в современном мире (К пониманию нашей эпохи)”» под псевдонимом «П. Сазанович». Ильин заявил, что Бердяев — прежде всего, «публицист», а не философ. По его мнению, Бердяев поставил себе задачу примирить христианство с духом революции. Кроме того, Ильин приписал Бердяеву еще множество грехов: «влюбленность» в марксистскую диалектику, «диктатуру в области мысли» и т.д. В результате, как утверждал Ильин, Бердяев сам себя разжаловал из «генералов от философии» в «рядовые Сталина». Ильин в своей статье вынес однозначный приговор: Бердяев сознательно производит «уклонение от истины», то есть защищает революцию и ее антихристианский дух.

Бердяев очень болезненно относился к критике, а статья Ильина в газете «Возрождение» произвела на него самое тяжелое впечатление, которое он не смог забыть даже в конце жизни. Когда в годы Второй мировой войны Бердяев писал философскую

автобиографию «Самопознание», то вспомнил о случае с В.Н. Ильиным: «Наиболее печальна была история с В.И., человеком больших умственных дарований, разговор с которым бывал интересен. В.И. постоянно у нас бывал, был другом дома, объяснялся мне в любви, целовал в плечо, называл себя моим последователем. И потом вдруг написал против меня отвратительную по тону статью в очень враждебной мне газете. Он полетел по наклонной плоскости, и в нем обнаружился настоящий зубр. Многое объясняется тут крайней неуравновешенностью, тяжелой болезнью души». Так или иначе, с Бердяевым в дальнейшем согласился и сам Ильин, когда в годы войны вторую часть своих воспоминаний назвал «Болезнь», а третью часть — «Выздоровление». Чтобы преодолеть свою «болезнь», Ильину пришлось пройти через ряд испытаний и тяжелых переживаний во время войны.

Война (1940–1945)

В 1940 г. после начала немецкой оккупации Франции приостановил свою деятельность Свято-Сергиевский православный богословский институт. Наступают трудные времена для Ильина и его семьи. Жена Ильина была еврейкой, как и его теща. Ильину пришлось, с одной стороны, соблюдать предельную осторожность, с другой — приложить

все усилия для спасения семьи. Вот как Ильин в письме к Р.Б. Гулю описал ситуацию начала и конца войны: «Семью мне удалось спасти, но сам я “попался”, был арестован и отправлен в Германию, где меня прикомандировали к славянскому отделу университетской библиотеки под начало двух профессоров-славистов — Фассмера и Юберсбергера. <...> С их помощью и при протекции фрау Фохт, православной немки, я получил свидетельство об опасной болезни и необходимости лечиться во Франции на водах. Я вернулся во Францию. <...> Как только Париж был освобожден, мои враги в институте донесли на меня французским законным властям как на германофила, и я был неоднократно допрашиваем военно-судебными властями, к счастью оказавшимися очень гуманными, понятливыми и мигом разобравшимися, в чем дело. Судебный следователь во время последнего допроса, после которого мне было вручено свидетельство об отсутствии состава преступления, выразил негодование по адресу моих прежних коллег и удивление по поводу того, что русские эмигранты так некорректны в отношении друг друга».

Вокруг пребывания Ильина в Берлине в 1940–1942 гг. из-за недостатка достоверной информации существует ряд мифов и легенд. Тенденциозные авторы, которые выступают в роли обвинителей, обычно не обращают внимания на решение французского суда, согласно которому Ильин был оправдан от обвинений в сотрудничестве с немецкими оккупационными властями («коллорацио-

низме»). За неимением архивных данных не будем разбирать все аргументы и обстоятельства, которые повлияли на оправдательный судебный вердикт. Остановимся только на дневниковых записях Ильина, которые велись им во время войны и хотя бы как-то объясняют его поездки в Германию.

Дневник 1941 г. начинается с сентября, когда Ильин описывает свое возвращение из Германии во Францию. Он пишет в ночь с 29 на 30 сентября 1941 г.: «Ровно неделя, как я приехал в Париж. Для меня это неслыханное чудо милости Божией. Непонятно, как поезд остановился в Париже, на Гардю Нор, как носильщик взял мои вещи, как я сел в метро, как вышел на Эколь Милитер, как поднялся по знакомым мне ступенькам...» Но уже через месяц заканчивается отпуск, и Ильин 28 октября пишет о том, что ему нужно возвращаться в Германию: «Послезавтра я должен ехать. Боже мой, как скоро прошел месяц! Как я люблю свою семью, а надо расставаться и какие житейские хлопоты и трудности впереди!»

Далее в дневнике Ильина начинаются записи после приезда в Берлин 1 ноября 1941 г. Они относятся преимущественно к нескольким темам, которые повторяются в дневнике: работа в библиотеке, общение с русскими знакомыми, постоянное беспокойство за оставленную в Париже семью, богословские и философские размышления... Вот как Ильин описывает приезд в Берлин: «Вещи свои я занес к проф. В.О. Гуленко, затем пошел к о. игумену Иоанну Шаховскому на Regensburger str. 10a,

побеседовав с ним, получил благословение. Мы вместе пошли в церковь на Nahod str. 10 (субботняя всенощная). В церкви я встретился со своими друзьями и пошел опять к о. Иоанну Шаховскому».

2 ноября 1941 г. Ильин переезжает на новую квартиру и начинает работать в библиотеке. Целью его занятий является написание труда «Сокровищница немецкой культуры». Первый раз эта работа упоминается 6 ноября в связи с музыкальными сочинениями Бетховена: «С ними соединена моя молодость, когда я особенно ощущал младенческую душу уходящего в вечность и разваливавшегося телом гения. <...> Об этом напишу с Божьей помощью в “Сокровищнице немецкой культуры”... В Бетховене много от Иова». И далее Ильин пишет 7 ноября о том же: «Все время думаю о том, что Бетховен есть Иов в музыке и что все мои соображения о германском музыкальном гении в “Schatzkästchen der Deutschen Kultur” надо изложить в форме интимно-мемуарной, дневни<ков>ой и эпистолярной. И вообще придать всему сочинению интимный характер, обращая особенное внимание на литературную отделку, хотя всячески избегая изыска и снобизма».

Далее Ильин постоянно пишет о семье, оставленной в Париже, и пытается заставить себя работать. 25 ноября 1941 г. он записал: «Сижу в Universitätsbibliothek, читаю по своей специальности. Чувствую себя слабым. На душе — обычная тоска. Господи, молитвами Пречистой Твоей Матери спаси рабу твою Веру и младенца Елену и

пошли нам скорую, скорую, скорую встречу». Кроме библиотеки, Ильин бывает в гостях у знакомых, где иногда читает доклады. Например, 13 января 1942 г. он отметил в дневнике: «Сегодня вечером должен читать у о. Александра Киселева о музыке. Господи помоги. Надо разобрать музыку с точки зрения формальной, исторической и метафизической — последнее и будет философией музыки». Одновременно с «Сокровищницей немецкой культуры» у Ильина возникают планы и наброски других исследований, среди которых упоминаются работы о халкидонском догмате, пантеизме, истории средневековой философии... Впервые возникает идея написать воспоминания («Пережитое»).

Во время Великого поста (16 февраля — 5 апреля 1942 г.) Ильин особенно остро переживает свою разлуку с семьей, постоянно молится, обвиняет себя во всех грехах, теряет самообладание, жалуется на судьбу и выпавшие на его долю испытания. «Сокровищницу немецкой культуры» он больше не упоминает, но зато, с одной стороны, отмечает, что его преследует «паралитическая тоска», а с другой — формулирует все время новые темы для будущих научных работ. Сразу после Пасхи Ильин начал хлопотать о новом отпуске для лечения, о чем позднее писал в вышеупомянутом письме к Роману Гулю. Первоначально его усилия не увенчались успехом. 14 апреля Ильин записал в дневник: «Вчера мне было очень тяжело. Вновь потускнели, и сильно потускнели, почти погасли надежды на

В.Н. Ильин.

Фотография из немецкой выездной визы
1942 г. для проезда из Берлина в Париж

поездку в Париж для отдыха, лечения». Ильин приходит в отчаяние, которое сопровождается усиленной самокритикой. 21 апреля он признается в дневнике: «Скажу себе самому по правде! Мало у меня надежды на то, что у меня вообще что-нибудь в чем-нибудь выйдет. И все-таки работать, работать, работать...» 22 апреля Ильин описывает свое состояние: «Опять тревога, опять тоска, опять смятение... и как не быть этому, если вновь и вновь я грешу духом — ропща, восставая и бунтуя». И

вдруг, как считал Ильин, произошло чудо: 6 мая ему позвонили по телефону и сообщили, что его виза готова, он может ее получить и поехать в Париж.

10 мая 1942 г. Ильин вернулся в Париж и в тот же день записал в дневник: «Несказанное чудо! Слава Господу Иисусу Христу и Его Пречистой Матери! Я вновь в Париже и пишу эти строки у себя на квартире. Приехал сегодня утром». Итогами почти двухлетнего вынужденного пребывания Ильина в Германии стали так и не написанный труд «Сокровищница немецкой культуры» и серьезное душевное потрясение, которое в свою очередь заставило переосмыслить свою жизнь. Ильин окончательно решил писать воспоминания, о чем упомянул в дневнике 14 мая 1942 г.: «Свой жизненный путь на земле, который я хочу назвать “Пережитое” (или “Путь жизни”), надо, если Бог даст, представить в трех частях: 1) Бытие, 2) Болезнь, 3) Выздоровление».

Воспоминания Ильин начал писать в 1943–1944 гг., о чем сказано в самом начале рукописи: «...теперь в изгнании, во французской провинциальной глуши, пятидесятитрехлетним бесправным парией с седой головой пишу эти строки». Он пытался разобраться в своем настоящем, анализируя прошлое («пережитое»), чтобы понять истоки своих бедствий и тяжелых испытаний. Личную судьбу Ильин понял как тяготеющий над ним рок, предопределение, о чем в воспоминаниях «Пережитое» сделал вывод: «Все эти мучительные про-

тиворечия и конфликты, вся эта безысходность заставляют меня думать о предопределенности к вечной гибели и во всяком случае соблазняться этой мыслью. Меня неудержимо влечет к себе образ монаха Готесшалька (IX в.), одного из авторов учения о предопределении и одного из самых несчастных и разд<авл>енных судьбой исторических персонажей. Ведь подобно тому, как он силою обстоятельств стал монахом-богословом, что и погубило его, — так и я, по темпераменту артист и “Тарзан”, оказался наделенным богословско-метафизическим даром, убивающим счастье моей жизни и высасывающим как вампир все живое из меня».

На фоне тяжелых страданий, получивших отражение в воспоминаниях, Ильин пережил в 1944 г. одно радостное событие. 10 сентября 1944 г. в Париже у него родился сын Николай. Вот как описал по рассказам свое рождение в книге «Мои корни» сам Николай Владимирович Ильин: «Это были первые дни освобождения Парижа от нацистов. Много позже, на уроках истории Франции, я узнал, что пережила моя мама накануне. Битва за Париж началась 19 августа 1944 года, а капитулировали немцы 25-го, когда правительство Виши бежало. <...> Историю о том, как драматично было мое появление, я слышал не раз. Рассказывали мама и отец, бабушка и сестра. В их рассказе был сентябрь, поздний вечер, мама, которая почувствовала, что до утра не дотянет, — надо рожать, а в Париже стояла полная тьма. Не было ни машин, ни автобусов, ни фонарей и ни одной живой души на улице. Все

люди попрятались. Мои папа и мама в крошечной тьме шли-шли и как-то дошли до госпиталя. Там тоже было темно и не работал лифт, а подняться нужно было на какой-то высокий третий этаж. <...> Почему было темно и страшно в мамином рассказе, я не понимал, пока не вырос и не узнал, что в эти дни заминированный нацистами Париж должен был взлететь на воздух. Электричество во всем Париже было выключено, и ночью город погружался во мрак, чтобы немецкие бомбардировщики не могли его найти».

Вслед за написанием воспоминаний «Пережитое» Ильин приступил к работе над рукописью «Болезнь», которая имеет незаконченный характер. Своей «болезнью» Ильин считал разрыв с леволиберальными кругами русской эмиграции и переход на сторону правых (монархистов и консерваторов). В середине 1930-х гг. Ильин воспринимал этот идеологический выбор как вполне естественный, но в 1943–1944 гг. он уже оценивал его как ошибку, называя правых «сворой духоубийц и светоненавистников». Ильин пишет в воспоминаниях «Болезнь» о том, что «разочарование в элите», «разрыв с элитой» (имеются в виду Н.А. Бердяев, монахиня Мария (Скобцова), священник Сергей Булгаков и т.д.) привели к сотрудничеству с газетой «Возрождение». Ильин достаточно самокритичен и стремится переосмыслить свое прошлое: «Если бы я был действительно на высоте философа и религиозного мыслителя, я бы не отпрянул вправо только оттого, что налево люди оказались не на

высоте. Я бы понял, что это злой дух политического властолюбия и мести, который присущ всем и только в разное время по-разному проявляется. Но я разгневался на “левых диктаторов” и пошел искать спасения у диктаторов правых, как будто можно спастись, бросаясь из огня в полымя».

Ильин полагал, что его «измена философскому рассуждению» привела к смещению перспектив в восприятии действительности. Свое «выздоровление» он начал с осмысления того, что не только революционеры, но и правые виновны в гибели старой России. Следовательно, считал Ильин, нужно искать истину по ту сторону правых и левых. Эту истину Ильин нашел в христианстве, в котором святость ставится выше всех других идеалов (политических, социальных, научных и т.д.). Ильин настроен очень решительно в стремлении вернуться к правильному христианскому пути: «Правильно поставленный диагноз есть начало выздоровления или, во всяком случае, единственная солидная база подлинного лечения. Я сам себя ввергнул в болезнь, я сам себе должен ставить диагноз. Я сам должен лечить себя — Богу споспешествующему». В итоге Ильин проклял правых и «черносотенцев», которых называл «безбожниками», и выбрал православие и «неоевразийство» (признание советской России как продолжения Российской империи). Однако его православный выбор сочетался с резкой критикой архиереев и священников (митрополита Евлогия (Георгиевского), архимандрита Киприана (Жерна), священника Сергия Булгакова

и др.), что, возможно, было связано с тем, что после окончания войны Ильин не смог вернуться в Свято-Сергиевский православный богословский институт. Несмотря на стремление примириться со всеми, Ильину не удалось восстановить доверие у руководства института. Хотя его принял митрополит Евлогий (Георгиевский), а затем — священник Сергей Булгаков, дальше этого дело не пошло, о чем написал в воспоминаниях В.В. Зеньковский: «Более трудной задачей было примирить Ильина с о. Сергием Булгаковым, но после нескольких моих бесед с ним он согласился принять Ильина. И здесь состоялось примирение. Ильин по своей беспредельной стихийности решил, что после этого он может вернуться в институт профессором. Но этого никто (в том числе и я) не мог допустить». Таким образом, для Ильина его жизнь распалась на два совершенно разных периода — до войны и после войны.

После войны (1945–1974)

Обида на прежних коллег по институту и лично на В.В. Зеньковского (декана института с 1944 г.) привела к тому, что Ильин после войны перешел из Вселенского Патриархата, к которому относился Свято-Сергиевский православный богословский институт, в юрисдикцию Московского

Патриархата и стал прихожанином Трехсвятительского подворья в Париже на улице Петель (rue Pétel). Судя по его дневнику, уже в 1949 г. Ильин исповедовался у своего нового духовника иеромонаха Софрония (Сахарова), принадлежащего к клиру Западно-Европейского экзархата Московского Патриархата, ездил к нему в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем (запись в дневнике от 20 ноября 1949 г.). Несмотря на внешние перемены, последние тридцать лет жизни Ильина были особенно плодотворными в его научной и творческой деятельности.

В послевоенный период Ильин оказался в очень противоречивом положении: с одной стороны, он активно работал и много писал, с другой стороны — имел мало возможностей для публикации своих философских, богословских, литературно-критических работ. В дневнике Ильин очень сильно переживал по поводу издательских отказов от его предложений. Например, 1 января 1949 г. он записал: «А ведь прав Спиноза — и философ должен на все смотреть *sub specie aeternitatis* [с точки зрения вечности]. И все тогда меняется — нет больше экзистенции, все становится эссенцией. Но тогда — о, ужас — стабилизируется ад, и ничего, кроме адской, от силы застывшей гримасы, нет — при невозможности для Бога спасти огромное большинство. Отсюда — финальный пессимизм. От этого и захотел, опираясь на дело Иисуса Христа, избавить Николай Федорович Федоров. О нем я и написал большую работу “Федоров про-

тив Льва Толстого” с подзаголовком “Борьба со смертью и отчаянием в русской философии”. Я на днях отношу эту работу в YMCA Press, где, конечно, ее забракуют, как забраковали все французские издатели, ибо я забракован. Мне страшно даже в дневнике писать, в какой степени я забракован и унижен еще “во чреве матери моей”, откуда я вышел как <бы> уже порешенным и забракованным окончательно».

С 1945 г. Владимир Ильин преподавал во Французском православном институте святого Дионисия, где читал лекции по литургике, философии, логике и методологии наук. В архиве сохранились две большие рукописи, имеющие отношение к преподаванию Ильина в послевоенный период: «Лекции по логике и методологии точных наук» и «История средневековой философии в связи с общей историей культуры, науки и богословия». В обоих трудах Ильин не только излагает общий материал по темам лекционных курсов, но и постоянно высказывает оригинальные мнения и оценки. Так, в «Лекциях по логике и методологии точных наук» он предложил проект реформы традиционной логики. По мнению Ильина, необходимо формальную логику, основанную на «Органоне» Аристотеля, расширить и сделать частью общей логики, которую можно по смыслу называть «панлогикой» или «металогикой». Создание такой новой логики должно происходить в двух направлениях: как «расширения» традиционной логики, так и разработки нового учения о ценно-

стях — аксиологии, связанной с онтологией (учением об истинном бытии). В «Истории средневековой философии...» Ильин рисует сложную картину средневековой мысли, которая, с одной стороны, определялась двумя основными мотивами, связанными с догматикой и диалектикой, но с другой стороны, распадалась на множество самых противоречивых учений. По мнению Ильина, из «рефлектирующей схоластики» и «интуитивной мистики» возникал конфликт: «Эти противоречивые мотивы и завязывают ту сложную, живую драму, в которую вмешиваются порой мотивы положительного, научного исследования, навязанного иногда Античностью, в частности Аристотелем, а иногда и восточно-гностическими тенденциями фантастической мистики, мантики, алхимии и астрологии, парадоксальным образом не чуждых позитивного реализма эмпиризма». Кроме того, Ильин призывал пересмотреть теорию прогресса от средневековой философии к эпохе Возрождения, считая, что последняя родилась из упадка средневекового мирозерцания («упадочной стадии»). В этом отношении он примыкает как к общей точке зрения К.Н. Леонтьева с его учением о трех стадиях исторического развития, так и к французским неотомистам, которые считали идеалом схоластику XIII в., а философию Нового времени — упадком.

Кроме Французского православного института святого Дионисия, в 1949 г. Ильин стал еще профессором Русской консерватории в Париже.

В.Н. Ильин (стоит третий слева) среди преподавателей Французского православного института святого Дионисия. Париж. 1950-е

Последнее событие он отметил в дневнике записью в ночь с 9 на 10 ноября 1949 г.: «Сегодня я узнал, что абсолютным большинством (всеми) голосов я был избран профессором русской консерватории по классу церковной композиции и строгого стиля. Пожалуй, это самый крупный мой успех за все время моего пребывания в эмиграции».

Ильин активно занимался проблемами музыки, результатом чего стал ряд его музыковедческих работ. Сохранилась «Программа по истории и теории церковной музыки для русской консерватории в Париже». Уже в ней заметен своеобразный подход Ильина к истории музыки. Так, в самом тексте программы упоминается «теория синтеза и полиморфизма проф. В.Н. Ильина». С точки зрения Ильина, национальные культуры развиваются не автономно, а имеют тесное взаимодействие через синтез различных культурных форм. В отношении церковной музыки Ильин выделял следующий морфологический «шестиугольник»: «...античное пение — знаменный распев — русская народная песня — византийское церковное пение — юго-славянское народное и церковное пение — григорианское пение». Судя по указанной «Программе...», ее основная концепция сводилась к тому, что Ильин понимал морфологический «шестиугольник» как правильную основу церковной музыки в самых разных формах, а все остальные музыкальные направления считал проявлением процесса секуляризации и «псевдоморфозы стиля». Для русской культуры Ильин полагал основополагающими знаменный распев и русскую народную песню, находя их влияние в музыке М.И. Глинки и композиторов «Могучей кучки».

Важно отметить, что Ильин был не просто исследователем музыки, но еще и композитором. Вероятно, у него было неоконченное музыкальное образование. Известно, что 7 сентября 1916 г.

Ильин подал заявление с просьбой о приеме в Киевскую консерваторию по классу гармонии, но других архивных документов о его учебе в консерватории не сохранилось. Первые фортепианные этюды и прелюдии Ильин создал примерно в период 1914–1917 гг., местами их написания указаны Киев и хутор Россоховский Волынской губернии (место летнего отдыха Ильина). В эмиграции Ильин продолжил работу над сочинением музыкальных произведений, сохранился достаточно объемный нотный архив. Среди нотных рукописей Ильина — несколько симфоний, написанных в 1930–50-е гг. Симфонию № 1 Ильин писал и дорабатывал около 40 лет (посвятил своей матери). К другим сочинениям Ильина относятся сонаты, струнные квартеты и трио, многочисленные романсы (на стихи А.С. Пушкина, Е.А. Боратынского, А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, К.Д. Бальмонта, А.А. Блока, И.А. Бунина и др.), наброски двух опер — «Страшная месть» (по одноименному произведению Н.В. Гоголя) и «Черные маски» (по одноименной пьесе Л.Н. Андреева). Несмотря на то что Ильин нередко называется автором двух указанных опер, их полных партитур, вероятно, никогда не существовало и вся работа ограничилась общими планами и фрагментами (сохранились прелюдия ко 2-му акту «Черных масок», вступление ко 2-й картине «Страшной мести» и «Сказание бандуриста» к той же опере). Музыка, безусловно, была постоянным творческим фоном всей жизни Ильина.

В послевоенный период Ильин задумал написать «трилогию» — цикл работ о русской культуре. 8 апреля 1947 г. он начинает предисловие к первой части «трилогии» следующими словами: «Предлагаемый труд представляет первую часть трилогии “Русская культура”. По замыслу автора, она должна состоять из трех частей. Первая часть посвящена русской точной науке, вторая часть посвящена русской музыке, третья часть посвящена русской философии». Все три части были в черновом виде закончены, но при жизни автора не изданы. Попытки предложить «трилогию» разным издательствам закончились неудачей. Единственной возможностью опубликовать результаты своих исследований стало сотрудничество с журналом «Возрождение», для которого в 1957–1971 гг. Ильин написал десятки статей. Остановимся на некоторых интересных и значимых статьях Ильина, дающих представление о его исследовательском подходе к изучению русской культуры.

Прежде всего, Ильин считал, что для русской культуры характерен особый стиль. Об этом он писал в книге о русской науке: «Существование русской науки большого стиля ставит со всею определенностью *общую проблему стиля в науке, и в частности проблему русского стиля в науке*». На ту же тему Ильин в «Возрождении» опубликовал статью «Художественный стиль русских философов и ученых». Отметив тему статьи как «совершенно новую», Ильин утверждает, что гений всегда находит адекватный стиль для выражения своих мыслей.

Тут же он связал проблему стиля со своей любимой темой морфологии: «Стиль — явление настолько важное, что, как мы видим, он неоднократно определял собой содержание и развитие его. Ведь стиль — это форма. А форма — как это доказано от Платона и Аристотеля по наше время — есть основное свойство, даже содержание духа. Форма онтологична и не “материя” ее определяет».

Как примеры особенного художественного стиля, характерного для русских философов, Ильин выбрал трех авторов — Владимира Соловьева, Алексея Гилярова и Павла Флоренского. Каждый из них предстает в изложении Ильина как совершенно оригинальный писатель с неповторимым стилем. Оригинальность Владимира Соловьева Ильин связал с его талантом поэта, опытом переводчика Платона и Канта. Именно благодаря работе над переводом Платона, как полагал Ильин, Соловьев смог великолепно овладеть диалогической формой, которую ярко продемонстрировал в «Трех разговорах». Алексей Гиляров был профессором Киевского университета и оказал, несомненно, большое влияние на Ильина в студенческие годы. Ильин с восторгом цитирует целые страницы из книги Гилярова «Руководство к изучению философии». Он делает следующий вывод: «А.Н. Гилярову принадлежит почин детски прекрасного, наивно-поэтического и в то же время чрезвычайно глубокого сравнения всякой хорошей философии со “сказкой”. Этим А.Н. Гиляров хочет сказать, что философия есть художественное творчество, созидание нового бы-

тия, где наука в специальном смысле этого слова играет подчиненную роль». Павла Флоренского же Ильин считал образцом художественного стиля в русской философии. По мнению Ильина, все сочинения Флоренского «написаны таким стилем, где яркая красочность, напоминающая старинный витраж, сочетается с небесным спокойствием и благородной тишиной бездонного и всеобъемлющего духа». Позднее Ильин посвятил Флоренскому еще одну, не менее восторженную статью в журнале «Возрождение» — «Отец Павел Флоренский. Замолчанное великое чудо науки XX века» (1969). Характеристики и оценки, которые дает Ильин в статье «Художественный стиль русских философов и ученых», много говорят о его идеалах, художественных вкусах, личном отношении к философскому и литературному творчеству. Ильин не просто пишет аналитические работы о философах и писателях, а хочет, насколько возможно, соответствовать уровню тех выдающихся мыслителей, которым посвящены его статьи, поэтому не скупится на образы, метафоры и стилистические приемы.

При обзоре всех статей Ильина, которые были опубликованы в журнале «Возрождение», сразу бросается в глаза, что большая их часть посвящена русской литературе. Следствие ли это пожеланий редакции или личный выбор самого Ильина — неизвестно. Только именно в «Возрождении» по-настоящему Ильин раскрылся как литературный критик, причем круг его интересов был необыкновенно широк — А.С. Пушкин, М.Ю. Лер-

монтов, Е.А. Боратынский, Н.В. Гоголь, А.И. Герцен, А.И. Григорьев, К.К. Случевский, Н.С. Лесков, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, И.Ф. Анненский, А.А. Блок, Л.Н. Андреев, А.М. Ремизов, И.А. Бунин, Д.С. Мережковский, Ф.К. Сологуб, Андрей Белый, В.Я. Брюсов. Все это разнообразие объединяет личная точка зрения, которую Ильин высказал в статье «Метафизические и нравственные устои русской литературы и их антитезы» (1962). По мнению Ильина, русская литература имеет основу — это «фактор религиозно-нравственный или, если угодно, фактор *служения* Богу, ближнему и вообще царству духа, духовного начала». Таким образом, Ильин придерживался этической оценки русской литературы. Он считал, что в произведениях русских писателей и поэтов воплощена высшая Правда, противоположностью которой является пошлость. В литературе не только торжествует идеал красоты и гармонии, а еще происходит борьба с пошлостью, злом и неправдой. При этом Ильин дает характеристики и высказывает замечания, которые показывают его личное отношение к каждому писателю и поэту — от восторженного до критического. Литературная критика Ильина не объективна, а эмоциональна и имеет основой личный опыт автора. Если же этот опыт признать все-таки преимущественно трагическим, то и история русской литературы в той или иной степени предстает у Ильина личной трагедией (особенно это заметно в статьях Ильина о А.С. Пушкине,

Ф.М. Достоевском и Л.Н. Толстом). Однако трагизм у русских писателей и поэтов претерпевает «катарсис» и переходит в оправдание высшей идеи о гармонии и красоте. В каком-то смысле и в изучении русской литературы Ильин остался философом (неслучайно французский перевод книги «Арфа Давида» он планировал назвать «Философия русской литературы»).

Ильин не только исследовал русскую литературу XIX — начала XX в., но и активно интересовался литературными явлениями в Советском Союзе. Он обратил внимание на трех писателей, творивших на родине, — Б.Л. Пастернака, М.А. Булгакова, А.И. Солженицына. О советской литературе и Б.Л. Пастернаке Ильин написал для журнала «Возрождение» статью «Нашествие внутреннего варвара, красная обломовщина и предчувствие второго рождения. Пастернак» (1964), о М.А. Булгакове и его романе «Мастер и Маргарита» — статью «Ведьмы и коты в сапогах и без сапог» (1968), о А.И. Солженицыне — рецензию на роман «Раковый корпус» (1968).

В статье 1964 г. Ильин вынес советской литературе самый суровый приговор, считая, что культура и искусство в СССР были полностью заменены «пропагандой, агитацией и внушением». Все лучшее в советской литературе, по мнению Ильина, создано писателями и поэтами, творчески сформировавшимися до революции (А.А. Блоком, С.А. Есениным, В.В. Маяковским, М. Горьким и т.д.). Отказ от классических образцов русской литературы, культурное «беспамятство», идеологи-

ческая диктатура были временными явлениями. Ильин пишет: «И все же наконец устали палачи, а не жизнь. И едва лишь первые признаки “палаческой усталости” обозначились в должной степени, как на литературном горизонте вспыхнуло пламя такой необыкновенной вещи, как роман Бориса Леонидовича Пастернака “Доктор Живаго”». Роман Пастернака Ильин сравнивал с романом И.В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера», особенно обращая внимание на многогранность и многослойность «Доктора Живаго». По мнению Ильина, роман Пастернака удался благодаря тому, что в нем соединены две темы — свободной личности и русской народной души. В итоге получилась, по выражению Ильина, русская национальная эпопея, в которой главным героем является человек элиты, прошедший через жестокие испытания, но не сломленный. Такой идеал личности был близок Ильину, который свободу и творчество ставил неизмеримо выше идеологии и политики.

Ту же творческую свободу Ильин увидел в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (впервые опубликован в журнальном варианте в 1966–1967 гг., полный вариант романа выпущен парижским издательством «УМСА-Press» в 1967 г.). Он отметил, что Булгакову свойственны как принадлежность к русской литературной традиции, так и новизна. Однако одной творческой литературной новизной роман «Мастер и Маргарита» не исчерпывается, так как, считал Ильин, в творчестве Булгакова проявляются религиозные основы русской литера-

туры, которые определяются метафизическими откровениями и мировоззрением, сформированным в духовной атмосфере мистической и молитвенной жизни. Сложная структура романа Булгакова связана, как полагал Ильин, с феноменологией и морфологией психопатологических состояний, соотношением между советской действительностью, метафизической реальностью потустороннего мира, евангельской историей, хаосом и безумием. Булгаков избрал для себя путь гностико-мифотворческого повествования, который объединил все эти разные для сознания обычного человека миры.

После того как в 1968 г. в Западной Европе был издан роман «Раковый корпус» А.И. Солженицына, Ильин в ноябре того же года пишет рецензию, которая не была опубликована и сохранилась в архиве. Творчество Солженицына Ильин сразу воспринял с нравственной точки зрения как подвиг, считая, что «Один день Ивана Денисовича» и «Раковый корпус» суть не только правдивое изображение советской действительности, но и обличение коммунистической идеологии. И главное, что заметил Ильин в романе Солженицына, — это его оздоровляющее, благотворное влияние на души читателей, что всегда было характерно для выдающихся произведений русской литературы. Ильин пишет: «И, несмотря на обилие тяжелых и трагических сцен, читатель оставляет чтение и закрывает книгу духовно окрепшим, возросшим и просветленным. Таким всегда и будет подлинное произведение высокого искусства, каким бы мрачным и

безотрадным ни казался по первоначально избран-
ный автором-артистом сюжет».

Кроме публикаций статей в журналах «Возрождение», «Вестник РСХД» и «Русский путь», Ильин вел активную лекционную деятельность. Особенно он любил выступать по приглашению РСХД — на съездах и в летних лагерях. Ильину очень хотелось общаться с молодежью и передавать ей свои знания. О том, какие эмоции Ильин испытывал при поездках в летние лагеря РСХД, говорит небольшой рукописный текст, вложенный в его дневник. Он представляет собой лирическое эссе «VI летний лагерь РСХД в St. Théoffrey 1950 г.», которое начинается так: «Для тех, кто в первый раз проводит лето в этом очаровательном и вместе с тем грандиозно-величавом углу многообразной Франции, трудно сдерживать восторг, говоря об этом лагере. Воздушные, дрожащие в голубой роскошной дымке горы, среди которых много снеговых, четыре горных озера, в окраске которых соперничают бирюза, изумруд и сапфир, желтые нивы и зеленые перелески — все сливается в величавую и яркую симфонию, которую можно было бы озаглавить “Под голубым куполом”». А в конце того же текста идет размышление автора о том, что после того, как дети окажутся опять «в каменной тюрьме нынешнего большого города», «вспоминания об этих ярких днях не дадут полной власти над душами и телами железобетонной машине». Ильин любил выступать не в душных

В летнем лагере РСХД
(В.Н. Ильин в первом ряду в центре).
Франция. Конец 1930-х

залах и аудиториях, а на природе, что давало ему, вероятно, какое-то вдохновение. В летнем лагере у него появлялось много новых идей и планов. Например, в дневнике 1952 г. Ильин записал: «17 (<4>) июля. Четверг. Раннее утро. После холодной, почти мерзлой, горной ночи в эфирно-разреженном воздухе — встал, прогулялся босиком далеко за пределы лагеря, а теперь работаю над тем диалогом Платона, к которому я всегда чувствовал тяготение неодолимое, ибо в нем видел опору для своей ОБЩЕЙ МОРФОЛОГИИ. Диалог этот — “Парменид” с его философией “единого”, т.е. формой и анализом утверждений и отрицаний».

В летнем лагере Ильин выступал на самые разные темы: русская культура, музыка, литература, христианство и т. д. Вот какие доклады и литературные чтения он упоминает в том же дневнике 1952 г.:

«21 (8) июля. Понедельник. <...> Сейчас 9½ ч. утра; в 10¼ я должен начать чтение лекции лагерной молодежи о Достоевском — в биографическ<ом> и культурн<ом> отражен<ии> эпохи»;

«4 авг<уста> (22 июля). Понедельник. Вчера на “костре” я продекламировал сцену дуэли из “Евгения Онегина” Пушкина, “Час” Блока и “Катерину” Козьмы Пруткова»;

«7 авг<уста> (25 июля). Четверг. Вчера был поход к реке Дгас. Блаженная жара. Никогда не страдаю от жары, только от холода. Вчера же выяснилось, что моя лекция о России и христианстве понравилась»;

«8 авг<уста> (26 июля). Пятница. Сегодня должен читать “О влиянии православия на социальные отношения”. План. Вступление. Пост<ановка> вопроса»;

«Ночь с 9 авг<уста> (27 июля) на 10 авг<уста> (28 июля). Утром читал лекцию о Мусоргском, а днем принимал Кирилла Дмитриевича Померанцева...»;

«19 (6) авг<уста>. Сейчас надо читать лекцию “Религия и наука”»;

«29 (16) авг<уста>. <...> Все время думаю о своем последнем докладе в лагере — самом удачном — на тему о “Сущности и существовании художественного образа”».

В.Н. Ильин. Франция. 1950-е

Среди публичных лекций Ильина большой интерес представляет малоизвестный цикл по психологии. В 1953/54 учебном году Ильин прочитал курс по психологии в Научно-исследовательском институте при Русском национальном трудовом союзе (НТС). С 1962 г. он читал лекции по психологии при Учебной секции Русского Патриаршего Экзархата. В архиве сохранились планы этих лекций 1965–1968 гг. В них указаны следующие общие темы: «Христианская психология» (1965),

«Портретная галерея психологических типов» (1965–1966), «Социальная психология в свете православного учения о соборности» (1967–1968). Ассистентом на лекциях Ильина по психологии был врач Александр Жаворонков (1888–1971).

На темы, связанные с психологией и христианской антропологией, Ильин преподавал еще на Женских высших богословских курсах. В 1967 г. он записал в дневнике: «24 (11) <мая>. <...> Вчера я должен был закончить на В<ысших> ж<енских> б<ого-словских> к<урсах> свой небольшой курс: “Душа, ее бытие, ее творческие энергии, ее бессмертие”. Но меня попросили не заканчивать, а продолжать. Вот эту тему я и поставлю в следующий раз, а потом — о коллективной душе и коллективном подсознательном, о сущности церкви, где “я”, “ты”, “он” — объединены в “мы” — “вы” — “они” — и, вообще, о личном местоимении и круговой поруке и вечной памяти — тема, где сочетаются проблемы духа и души».

Далее, в тот же день 24 мая 1967 г., после записей-размышлений о душе как образе Божиим и высшей аксиологической категории Ильин отметил: «Удивляюсь напряжению своей творческой энергии, равно как и новым мыслям. Не от меня все это — и за все я должен благодарить Господа». Новые идеи и проекты, действительно, постоянно возникали у Ильина, и только часть из них была реализована. Например, только 15 июня 1967 г. Ильин дает в дневнике целый список тем для будущих лекций:

«Темы: По эту и по ту сторону гедонизма и его критериев. Вечные и блаженные жизни наслаждения. Всемогущество веры и ответственность за ее наличие и ее отсутствие. По поводу книг Л.И. Шестова “Скованный Парменид” и “Sola fide” — и повестей Н.С. Лескова “Гора” и “Час воли Божией”. Тексты Анаксимандра и Гераклита. Почему марксизм и мирозерцание русской революционно-социалистической интеллигенции есть дно ада, а судьба России — схождение во ад.

На эти темы нужно прочитать лекции — по-русски и по-французски.

Тема. “Творец мира” с эпитафией из Платона: “Творца мира увидеть трудно, а показать невозможно”. И, тем не менее, вся жизнь Церкви состоит в том, чтобы показать пути к этому видению.

Тема. О знании спасительном и пагубном.

Тема. Странствование Авраама и Платона и о том, что лучшее есть враг хорошего. Вкусив от “запретного плода”, человек сделался не господином удовольствия, но его рабом. А раб — зараз и мучитель, и жертва».

В последние годы жизни, в 1971–1974 гг., Ильин начал сотрудничать с «Новым журналом», в котором успел до своей смерти опубликовать только четыре статьи — «Достоевский и Бердяев», «Эпоха низости», «Вячеслав Иванов», «По поводу “Апофеоза беспочвенности” Л.И. Шестова». Кроме того, в 1974 г. в «Вестнике РСХД» появилась его статья «Иночество как основа русской культуры». Эти пять статей следует считать по-

следними прижизненно опубликованными работами Ильина.

Статья в «Вестнике РСХД» 1974 г. содержит ряд самых заветных мыслей Ильина о русской культуре, подводит своего рода итоги. Ильин считал, что его статья — это «попытка явить ту подпочву русской музыкальной поэтической красоты, которая связана с мучительно блаженной жадой ИНОГО по отношению к миру». В статье сразу заметно личное отношение автора к рассматриваемой теме, в ней много лирических размышлений и поэтических цитат. Прежде всего, обращает внимание, что в статье Ильин упоминает почти всех композиторов, писателей, поэтов и философов, которых любил и ценил, — П.И. Чайковского, Л. Бетховена, И. Шуберта, И.Б. Гёте, А.С. Пушкина, А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, А.А. Блока, В.В. Розанова, А.Н. Гилярова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова. Ильин развивает мысль, которая сводится к тому, что в основе русской культуры лежит идея аскетической, отрешенной красоты, которая определяется связью религии и музыки, жадой вечности и выхода за пределы действительности. По его мнению, «душа, либо ставшая иной миру, либо такой уже пришедшая в этот мир, может подвергнуться насилью прельщений внешнего мира, который ей противен, может временно пасть, не найдя достаточно сил устоять, но никогда не будет внутренне увлечена этим миром, посюсторонним миром». И дальше Ильин пишет как будто уже о самом себе: «Выбор все-таки давно уже сделан. И рано или поздно, но

небо примет предназначенную ему душу». Статья «Иночество как основа русской культуры» показывает то, что было главным для Ильина в исследованиях русской культуры, — возможность «увидеть невидимую и великую красоту, ради нее пожертвовав всем». Вероятно, это осознание и давало силы Ильину работать, несмотря на внешнюю изоляцию, одиночество и отсутствие признания.

Хотя большую часть своих книг в послевоенный период Ильин написал «в стол», ежедневная работа его мысли никогда не прерывалась. В последних дневниковых записях, сделанных 1 и 9 октября 1974 г., Ильин размышлял о Ф.М. Достоевском и М.А. Булгакове: в первом случае он писал о новой театральной постановке романа «Бесы», а в другом — цитировал роман «Мастер и Маргарита» и поставил себе задачу описать его морфологию, но этому плану не суждено было сбыться. В.Н. Ильин внезапно умер 23 октября 1974 г., когда сидел за пишущей машинкой. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Посмертная судьба. Архивное наследие

Неизданные рукописи В.Н. Ильина начали выходить уже вскоре после его смерти. Благодаря усилиям вдовы философа Веры Николаевны Ильиной, которая все свободное время посвящала подготов-

ке к изданию наследия своего покойного мужа, и финансовой поддержке сына, Николая Владимировича Ильина, были напечатаны книги «Арфа Давида. Религиозно-философские мотивы русской литературы» (Сан-Франциско, 1980), «Религия революции и гибель культуры» (Париж, 1987). Последняя книга заслуживает особого внимания, так как в ней высказана консервативная позиция, которой Владимир Ильин, не будучи политиком, был верен почти всю жизнь. Выдвигая тезис «революция есть насильственный обрыв культуры», автор всесторонне старается его обосновать. По его мнению, революция как идея чистой власти отрицает культуру как идею свободы и творчества. Революционная диктатура не терпит конкуренции, стремится уничтожить выдающихся и творчески мыслящих людей, поэтому, по мнению Ильина, ЧК, Соловецкий и другие концлагеря суть естественное проявление той власти, которая символически воплощает зло. Революция знаменует собой «подрыв» мироздания через прекращение творчества, замену художника на инженера и строителя по строго государственным предписаниям.

Ильин назвал ситуацию, которая сложилась в России после революции 1917 г., «Голгофой культуры». Он пишет: «На алтаре революционного Молоха сожжены бесчисленные и несметные культурные ценности, закланы миллионы человеческих жертв, и дым этого жертвоприношения раз навсегда замутил сознание и совесть революционных жрецов». Русской культуре была противоп-

ставлена «религия революции». Жрецы и палачи этой новой религии стремились переделать несовершенную жизнь и становились идеологически маньяками, с безграничным оптимизмом веря в утопию, нарисованную в их воображении.

Революционер, этот «фарисей-утопист» (по выражению Ильина), ведет свою войну против религии и красоты жизни во имя этики объединенного коллектива, в которой нивелируется отдельная душа человека. Вместо глубоких чувств и мыслей, нередко ведущих к личной трагедии, предлагается обезличенное серое существование, лишённое страданий, любви и радости. Результатом революции становится скука, против которой Ильин направляет весь критический пафос, провозглашая в качестве альтернативы христианские идеалы любви, красоты и вечной жизни.

Ильин утверждал: «Мы обязаны “мыслить до конца”, хотя бы это и приводило нас к великой скорби. “Кто умножает познание, тот умножает скорбь”, — говорит автор Екклесиаста. И так оно должно быть. Если мир трагичен, то и мысль о мире тоже трагична и скорбна. Философия не шутка и тяжким бременем ложится на плечи того, кто занимается ею». Эта цитата с призывом «мыслить до конца» лучшим образом подходит к общей характеристике Владимира Ильина.

Новые перспективы для знакомства с поздними работами Владимира Ильина открылись после того, как в Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына (в то время Библиотеку-фонд

«Русское зарубежье») был передан личный архив философа.

Среди сохранившихся в архиве Ильина рукописей значительную часть занимает упомянутая выше «трилогия» о русской культуре. Ильин не просто описывал русскую культуру, а выступил, по сути, ее апологетом. Апологетика Ильина предполагала защиту русской культуры от двух ее главных врагов — западных шовинистов, принижающих значение любой не западной культуры, и советских марксистских идеологов, утверждающих право только пролетарской культуры на существование. Главный метод в апологетике русской культуры для Ильина — это всесторонне показать достижения русской науки, музыки, философии.

В книге «Русская наука», которая была впервые издана в 2017 г., Ильин высказал возмущение тем, что «консервативные» или «монархические, антиреволюционные» взгляды ученых становились основанием для их травли в революционно-демократической прессе или для забвения в советской историографии. Такое же возмущение вызывали у Ильина стремление в зарубежной научной литературе все открытия и изобретения приписывать исключительно западным ученым и замалчивать русских исследователей, раньше или одновременно сделавших те же открытия. Для Ильина наука развивается в истории, но ее достижения стоят вне времени и политики.

Исследуя феномен русской музыки, Ильин имел в виду не только вид исполнительского творчества,

но и особенности, существующие в музыкально-звуковом восприятии народа или, можно сказать, «музыкальное мировоззрение». Ильин начал рассмотрение русской музыки с ее географического «месторазвития» (термин заимствован им из евразийства), особенно подчеркивая связь с эллинской музыкальной традицией. Он описал особенности русской музыки, проследив ее развитие от средневекового знаменного пения до петербургского периода. Концепцию русской культуры завершает исследование русской философии. Показав, как из самобытной культуры рождается оригинальная философия, Ильин подчеркивал, что русская культура достигла «апогея» в XIX — начале XX в., при этом одновременно в трех сферах — научной, музыкальной и философской (или, по определению Ильина, «литературно-философско-миросозерцательной»). Как трилогия о русской культуре, так и другие рукописные работы, сохранившиеся в архиве, дают представление о том, чем занимался Владимир Ильин в конце жизни.

Особенное место среди рукописей Ильина занимают его работы, посвященные учению о морфологии. Ильин считал морфологию своим главным философским учением. При жизни результаты исследований по морфологии он так и не смог опубликовать. Только в 1996 г. в журнале «Вопросы философии» появилась публикация, подготовленная А.П. Козыревым, — «Статика и динамика чистой формы, или Очерк общей морфологии» В.Н. Ильина. Из этой работы можно понять общую

идею В.Н. Ильина, его оригинальное понимание морфологии. До Ильина морфология ассоциировалась с двумя известными немецкими авторами — И.В. Гёте и О. Шпенглером, проблемами природы и культуры. Ильин же перенес идею морфологии в совершенно другую философскую область исследования — в сферу сознания и личности, отталкиваясь от работ У. Штерна, А. Бергсона, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Г. Марселя, М. Бубера, К.Г. Юнга и других мыслителей XX в., которых упоминает или цитирует на страницах «Статики и динамики чистой формы».

В предисловии к «Статике и динамике чистой формы» Ильин заявил, что его морфология как личное мирозерцание есть «слаженная в целом и в частях система философии, богословия и научной методологии». Таким образом, Ильин в учении о морфологии предполагал осуществить синтез философии, богословия и науки. Следует признать, что это задача как фундаментальная, так и невероятно сложная. Как ее решает Ильин? Он предлагает идею «полноты бытия», сочетающую сущность и существование (эссенцию и экзистенцию), а «модусами» (частными проявлениями) бытия считает формы, обладающие энергией и динамичной природой. Общая схема Ильина, с которой начинается его морфология, сформулирована так: «Энергетически-динамический логос, творчески действующий в тварных формах-модусах».

Данная схема могла бы выглядеть абстракцией, но Ильин сразу указывает на основное начало

своей морфологии — личное сознание человека, в рамках которого и воспринимаются все формы бытия. Без понятия самосознания и его анализа морфология просто невозможна. Ильин полагал: «На этой мертвой, хотя “ясной” и “отчетливой” позиции мы и останемся, пока мы не отдадим себе отчет, “чем” сознание “наполнено”, “что” содержится в его “поле”, “что” именно в нем “ясно” и “отчетливо” и что в нем “темно” и “сбивчиво”, “что” в нем “неотчетливо”?..» Сознание у Ильина понимается как «форма форм». Однако сознание организуется личностью, которая имеет единство. Главное свойство личности — интенсивность, или, как пишет Ильин, «это можно еще назвать “излучением” из единого центра — очага личности».

Все формы (образы) в восприятии человека имеют зрительно-пространственный характер. Форма есть образ-понятие, но она связана с природой человека, его природной способностью видеть, воспринимать глазами сочетание света и темноты. Однако, кроме пространственных форм, существуют внепространственные формы, к которым относятся вопросы и задачи, не имеющие определенных ответов и решений (ряд математических уравнений, метафизические проблемы, неопределенные чувства и т.д.). Формы имеют разные степени закрытости и открытости. Их объединяет динамическая, силовая природа. Исходя из этого положения, Ильин утверждал, что есть три разных понятия, смысл которых совпадает, — дух, форма, сила. По его мнению, бытие обладает абсолютным

единством, объединяющим жизнь и мысль, поэтому любой форме соответствует «мыслеобраз». Основной же формулой формы («формообразом») Ильин считал «двуединство статики и динамики». Именно эта формула может объяснить, как единый «энергийно-динамический логос» действует в многочисленных формах жизни. Только так, считал Ильин, можно преодолеть дуализм бытия и мышления, утвердившийся в философии со времен Декарта и Спинозы.

Ильин предлагал произвести фундаментальную реформу философии, чтобы преодолеть противоположность сущности и существования, бытия и сознания. По его мнению, обычные категории классической философии от Аристотеля до Канта уже не работают в XX в. Для новой картины мира, характерной для XX в., нужна новая философия, которой может стать его «феноменологически взятая морфология и формула формы». Общая идея такой философии сформулирована в одном из выводов Ильина как «морфогенезис», имеющий основой «интенсивную сущность». «Морфологическая картина» определяется внутренними и внешними границами конкретного бытия, а одним из главных источников формы-энергии является личность или то, что создано личностью, то есть морфогенезис есть, прежде всего, творчество многообразных форм. Как писал Ильин, «у этих мыслеобразов есть общий бездонный источник, откуда исходит и личное и коллективное начало, великая бездонная тайна», «таким образом созда-

ется многоединая культура, созданная человеком и его в свою очередь создающая».

В 2018 г. появилась новая архивная публикация по морфологии — А.Ю. Бердникова в ежегоднике «Исследования по истории русской мысли» в приложении к своей статье опубликовала рукопись Ильина «Нуль, точка и монада. Экскурс I к “Статике и динамике чистой формы” (“Морфология устойчивого процесса”)». К сожалению, как «Нуль, точка и монада», так и другие неопубликованные тексты Ильина запутывают ситуацию и не проясняют до конца сущность учения о морфологии. Связано это с двумя особенностями данного учения. Во-первых, в архиве сохранилось достаточно много работ В.Н. Ильина, относящихся к морфологии и отличных по терминологии. Во-вторых, затрудняет понимание сама терминология В.Н. Ильина, в которой в разной степени сочетаются философские и богословские понятия. Например, самое краткое изложение морфологии Ильин дал в небольшой работе «Основные тезисы общей морфологии или иконологии бытия, или, что то же, основные тезисы качественной иконологической онтологии». Уже на первый взгляд заметно в «Основных тезисах...» необычное сочетание философских и богословских определений: с одной стороны, «морфология» и «онтология», с другой — «иконология». Далее становится еще сложнее, когда Ильин вводит определение «иконологический экзистенциализм». Получается, что учение Ильина есть «морфология = иконология бытия = иконологическая онтология =

иконологический экзистенциализм». Однако уже в начале работы (в первых тезисах) выясняется, что Ильин под философскими и богословскими терминами понимает одно и то же, но с разных точек зрения — форма сущности по-другому определяется им как «усия» или «икона» или, если иметь в виду первоначальный древнегреческий смысл, как «сущность» или «образ». Таким образом, сложность в понимании морфологии Ильина заключается в том, что автор пытается «объять необъятное», то есть полностью отказывается от каких-то ограничений в исследовании и одновременно занимается онтологией, гносеологией, проблемами сознания и личности, психологией и богословием, что ведет к трудностям в последовательности изложения и сложной терминологии. Тем не менее для Ильина морфология была тем учением, которое являлось идейным центром всех его исследований, объединяющим многообразные интересы ученого. Морфология — это теоретическая и методологическая основа для общего подхода Ильина к пониманию культуры (науки, музыки, философии, литературы).

Владимир Ильин долго пребывал в забвении. Его талант не был признан как современниками, так и последующими поколениями. В культуре и философии русской эмиграции Ильин занимает неоднозначное место, что усугубляется тем, что он одновременно работал над исследованиями по философии, богословию, литературоведению, истории музыкальной культуры, апологетике,

литургике. С политической точки зрения Ильин был неприемлем для либералов и демократов, а как участник евразийского движения и Религиозно-философской академии Н.А. Бердяева не принят в среде монархической эмиграции. Существовая вне политических лагерей, в личном мире духовной свободы, он остался верен только самому себе, христианским идеалам и личному убеждению, что красота и творчество дают оправдание человеческой жизни.

Архивные материалы и литература

Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына:

— Ф. 31. В.Н. Ильин;

— Коллекция В. Аллоя. Оп. 1. Ед. хр. 43.

Городской архив г. Киева:

— Ф. 16. Оп. 465. Ед. хр. 1217, 1253, 1286;

— Ф. 108. Оп. 93. Ед. хр. 600; Оп. 94. Ед. хр. 595;

— Ф. 297. Оп. 2. Ед. хр. 814.

Ильин В.Н. Арфа Давида. СПб., 2009.

Ильин В.Н. Загадка жизни и происхождение живых существ. Париж, 1929.

Ильин В.Н. Мирозерцание графа Льва Николаевича Толстого. СПб., 2000.

Ильин В.Н. Пережитое // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, 2014/2015. М., 2015. С. 461–515.

Ильин В.Н. Письма Н.А. Бердяеву // Звезда. 1997. № 3. С. 174–186.

Ильин В.Н. Пожар миров: Избранные статьи из журнала «Возрождение». М., 2010.

Ильин В.Н. Религия революции и гибель культуры. Париж, 1987.

Ильин В.Н. Русская музыка (главы из книги) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, 2018. М., 2018. С. 163–200.

Ильин В.Н. Русская наука. М., 2017.

Ильин В.Н. Статика и динамика чистой формы, или Очерк общей морфологии // Вопросы философии. 1996. № 11. С. 91–136.

Ильин В.Н. Столб злобы богопротивной // Евразийский временник. 1925. Кн. 4. С. 155–223.

Ильин В.Н. Эссе о русской культуре. СПб., 1997.

Бердникова А.Ю. Антиномии и парадоксы Владимира Ильина. Приложение: В.Н. Ильин. Нуль, точка и монада. Экскурс I к «Статике и динамике чистой формы» («Морфология устойчивого процесса») (1953) // Исследования по истории русской мысли [14]. Ежегодник за 2018 г. М., 2018. С. 168–206.

Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991.

Бронникова Е.В. Лекции В.Н. Ильина по психологии // Философские науки. 2017. № 2. С. 113–123.

Зеньковский В.В. Из моей жизни. Воспоминания. М., 2014.

Ильин Н.В. Отец и мать // Ильин Н.В. Мои корни. Big Nic с Александрой Свиридовой. Франкфурт-на-Майне; Нью-Йорк, 2017. С. 25–60.

Савицкий П.Н. Научные задачи евразийства: Статьи и письма. М., 2018.

Ермишин, О.Т.

Е-739 Владимир Ильин, 1890–1974 / Олег Ермишин. — Москва : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2020. — 80 с. : ил. — (Русское зарубежье в лицах).

ISBN 978-5-98854-072-4

Владимир Николаевич Ильин (1890–1974) — философ, богослов, литературный и музыкальный критик, один из выдающихся мыслителей русского зарубежья. С 1920 г. жил в эмиграции. В 1925–1940 гг. преподавал в знаменитом парижском Свято-Сергиевском богословском институте, с 1945 г. — во Французском православном институте святого Дионисия. При жизни был больше известен благодаря публикациям, посвященным богословию и литературной критике, тогда как многие его работы (по философии, истории русской культуры) остались неизданными и сохранились в архиве.

В книге рассказывается о трудной судьбе мыслителя, сложных перипетиях его жизни и научной деятельности.

УДК 1(091):929
ББК 87.3(2)6

Научно-популярное издание

Ермишин Олег Тимофеевич

Владимир Ильин

1890–1974

Редактор *М.В. Архиреев*

Корректор *О.А Савичева*

Верстка *Л.А. Фирсова*

Подписано в печать 01.06.20. Формат 70x100/32.

Печ. л. 2,5. Тираж 500 экз.

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

Тел.: (495) 915-10-80, 915-27-48

www.domrz.ru

ЗАО «Издательство “Русский путь”»

125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, оф. 64

Тел.: (495) 629-04-82

E-mail: info@rp-net.ru

Сайт издательства: www.rp-net.ru

Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Отпечатано в типографии НИИ «Геодезия»,

141260, г. Красноармейск, пр. Испытателей, д. 14

Олег Тимофеевич Ермишин — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Научные интересы — история русской философии, религиозно-философская мысль русского зарубежья, культура русской эмиграции.

Владимир Николаевич Ильин (1890–1974) оставил богатое научное наследие. Хотя при жизни он смог опубликовать восемь книг, около двухсот статей и рецензий, большая часть работ им написана «в стол», иногда безо всякой надежды на издание.

Целенаправленно В.Н. Ильин исповедовал свободу мысли, которая не подчинена никаким догмам, авторитетам и внешней конъюнктуре. Результатом такой принципиальной позиции стало полное отсутствие признания со стороны современников.

Изучение архивного наследия постепенно открыло В.Н. Ильина как мыслителя с многообразными интересами, показало масштаб его личности.

ISBN 978-5-98854-072-4

9 785988 540724